

КВИНТЭССЕНЦИЯ ФАНТАСМАГОРИИ

Парил бы Он в облаках вечно, не дремля!

Лицо человека – есть душа его, наизнанку вывернутая.

Каждый мазок кистью проникает в неё глубже, пытаясь нащупать ту крупницу, которая отличает творение человека от создания божественного.

У этой девушки – мягкие нежные черты лица, крохотный носик и большие внимательные глаза. У той – шелковистая смуглая кожа, выразительные скулы и ямочки от скромной улыбки, а губы – словно лепестки фантастического цветка, желанные и притягательные. У некоторых родинки, веснушки, румянец, аккуратный макияж. У всех без исключения по-своему красивые глаза, взгляд то глубокий и задумчивый, то приветливо-жизнерадостный, лёгкий, как утренний лучик солнца.

Художник рисует девичьи лица уже много лет. На каждый портрет он не жалеет сил, эмоций и времени.

Последнего у него в избытке.

Существовать и Быть – не одно и то же.

На голове его творился такой же творческий беспорядок, как и вокруг него. Художник рисовал дерево, а его мольберт окружало множество скомканных или разорванных листов с неудачными эскизами. Натура высилась в нескольких десятках шагов от него. Только нарисовать её было невозможно: наблюдатель не успевал моргнуть, как листья желтели, шумно опадали и сгнивали; нагие ветки прогибались под тяжестью снежных комьев, чтобы к внезапной оттепели подпрыгнуть, сбрасывая тающие оковы; кора чернела от влаги, здесь и там появлялись робкие почки, а затем раскрывались листками, превращая крону в пышный зелёный букет. Каждый новый образ был уникальным, не повторяющим предыдущие.

(Почему именно это дерево?) – раздался ментальный голос, и художник обернулся. – (Его ведь нельзя нарисовать, оно постоянно меняется! Почему бы не выбрать что-нибудь попроще?)

Пожилой незнакомец прятал нижнюю часть лица под пышной бородой. Одет он был в дорожный плащ, рукой прижимал к груди увесистую книгу. Из-за морщин и сильного загара чужеземец показался Художнику похожим на кору рисуемого дерева.

(Проклятая *изменчивость*, вы правы, но я слишком много прошёл, чтобы останавливаться на середине пути...) – вернулся к работе Творец, нахмурившись. В своём новом эскизе он продвинулся дальше, чем в остальных – ему удалось набросать ствол и голые ветки:

Старик сконфуженно помолчал, потом снова пустился в эмоциональную трепотню:

(Забудем про дерево! Разрешите к вам обратиться по другому вопросу! Что вам известно о Лабиринте Мечтаний? Я держу к нему путь с давних пор! Насколько мне известно, цель моя уже близка!)

(Лабиринт? Слышал, слышал. Но никогда им не интересовался. А что там?)

(Вы меня удивляете, молодой человек! Живёте в такой непосредственной близости от центра мироздания и даже ничегошеньки о нём не знаете?)

(Никогда не интересовался архитектурой, уж извините.)

(Архитектура! Бха! Да вы даже не представляете, что такое Лабиринт и почему его называют Лабиринтом Мечтаний! Позвольте мне рассказать вам, молодой человек, кто я такой! Я учёный! Я изучаю основы нашего мира с тех пор, как себя помню! Я всю жизнь составляю историю, раскрываю тайны, общаясь со знающими людьми или проверяя все догадки самостоятельно! Лабиринт – это центр всего, что существует здесь, вокруг нас! По словам тех, кто побывал там, Лабиринт исполняет любое желание! Вы можете загадать, что угодно, и Лабиринт не подведёт!)

(И вы действительно в это верите?)

(Молодой человек, я видел женщину, родившую сотню детей за одну ночь! Я знал мужчину, способного одним словом превратить любого человека в животное: бедняге

вырвали язык и зашили рот! Я наблюдал, как один парень может бесконечно доставать из кармана своих брюк по золотой монете! Все они прошли Лабиринт и получили то, чего хотели! Идёмте со мной, молодой человек!)

(Меня не прельщают богатства и выдающиеся способности!) – Художник снова вернулся к работе.

(Вы сможете нарисовать что угодно, если только пожелаете это!) – Старик взял творца за плечо и крепко сжал. – (Я знаю, как обойти Загадку Лабиринта! Мне только нужны люди, которые могут меня туда доставить через Долины Смерти и Гнили. Вы знакомы с такими? Вы поможете мне?)

(Нарисовать что угодно?) – задумчиво переспросил Художник.

Но твой герой сна, твоё мёртвое семя,

Рисовать картину – дело плёвое. Это вам не горы руками сворачивать. Что угодно можно нарисовать, будь на то желание и терпение. И не нужно никакого таланта или дара; если у вас есть нужные средства, вы можете запечатлеть великолепный закат, бушующий океан, табун лошадей, лицо любимой...

Или компанию друзей, стоящих на пороге Лабиринта Мечтаний. Каждый из них смотрит на него с восхищением и страхом. Они застыли, словно каменные статуи, поэтому Художнику легко их рисовать.

Он сидит перед мольбертом сбоку от них; вокруг него, как обычно, разбросаны эскизы, испачканные наброски, тюбики с краской, кисти, палитра... и песочные часы, в которых ничего не сыпется, ибо они опрокинуты и без дела лежат на траве.

Ты на Земле живёшь, да ночуешь в ложе,

Долина Смерти предстала перед Художником и Историком во всей своей кошмарности. Раньше она располагалась далеко на востоке, ближе к Лабиринту, примерно в пяти днях пути. Но со временем переползла сюда, оставляя за собой Долину Гнили.

Герои стояли на краю скалы, наблюдая, как на равнине внизу сталкиваются многотысячные армии, пехота и конница. Слышны были оборванные отголоски битвы: в основном едва различимый лязг железа, но иногда долетали приказы командиров или крики боли. Иногда по Долине Смерти прокатывались сигналы боевых горнов и барабанов.

(Вечная битва, как всегда, завораживает!) – Историк делал какие-то записи в своей огромной книге.

(Не вижу в этом ничего красивого,) – сказал Художник, чуть ли не зевая.

(А разве для вас, творцов, не всё одинаково красиво?)

(Битва всегда была и будет! Её нет смысла рисовать: пришёл и посмотрел. Я же рисую только то, что ускользает.)

(И как успехи?)

(Как видите, я иду вместе с вами неведомо куда, значит, успехи – не очень.)

(Не неведомо куда, а в Лабиринт Мечтаний! Вы обещали показать людей, которые помогут нам пересечь Долины Смерти и Гнили! Так где они?)

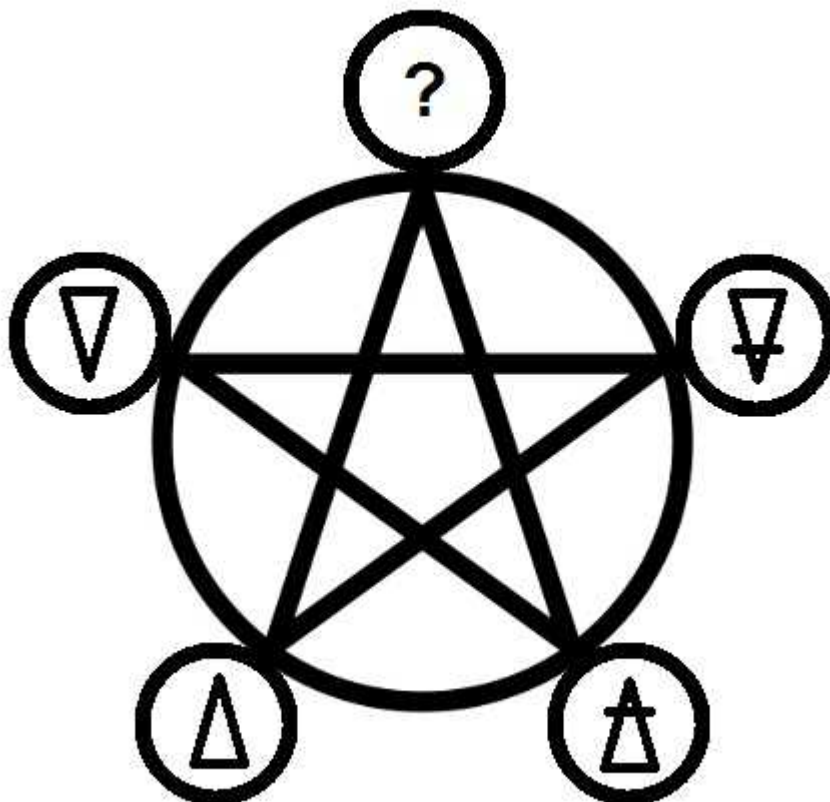
(Мы уже почти на месте.) – Художник указал на скалистый выступ в сотне локтей под ними, где расположилась массивная хижина.

Из трубы тянулся ароматный завлекающий дымок.

Не будете Быть, Существовать вы двое:

Их было пятеро, и они смотрели с высокого холма на вход в Лабиринт. Как говорил Историк, он был огромным: полностью его окинуть взглядом казалось невыполнимой задачей. Как говорил Лётчик, он был изменчивым: стоило отвести глаза или моргнуть – его рисунок и форма менялись.

На входе из земли торчала широкая каменная конструкция, округлой формы, с неглубокими чашами на концах пятиконечной звезды.

(Загадка Лабиринта!) – провозгласил Историк. – (Только у нас, друзья мои, нарисовалась одна проблема! Я слышал про эту головоломку и думал, что знаю, как её решить! Но в моей версии – только четыре чаши со знаками!)

(Приплыли!) – досадно вскинул руки Художник.

(Что они значат эти треугольники в чашах?) – поинтересовался Трактирщик.

(Это огонь, вода, земля и воздух! Четыре основных элемента, из которых состоит мир.) – Историк задумчиво чесал затылок. – (А что за пятый элемент – ума не приложу.)

Он зачерпнул горсть земли и высыпал в предназначенную для неё чашу, звезда стала заметно светиться. В другую чашу Лётчик высыпал кучку пороха из патрона, достал кремль и вызвал скоротечное пламя. В третью – недовольно поворчав, Трактирщик пролил немного напитка из фляги. Его дочь подула на четвёртую. Звезда горела уже особенно ярко.

(Что же делать с пятой чашей?) – Историк задумчиво листал свои записи. – (Пятый элемент... Человеческая жизнь? Любовь? Творчество? Что же это за сила?)

Художник положил рисунок с деревом в чашу, но ничего не произошло. Он убрал его, нахмурившись.

Дочь Трактирщика поцеловала чашу, но ничего не произошло. Вздохнула, пожалала плечами.

Трактирщик решил, что загадка требует две чаши алкоголя. Но ничего не произошло. Он сильно опечалился.

– Да стукнуть надо хорошенько! – воскликнул Лётчик. – У меня в самолёте всё на исцеляющем пинке только и держится!

Несмотря на предостережения Историка, он хлопнул по чаше кулаком – и звезда стала намного ярче. Послышалось, как скребётся камень о камень: врата Лабиринта Мечтаний открывались.

– Видите? Всегда срабатывает! – Лётчик вразвалку зашагал к Лабиринту.

Все неуверенно последовали за ним, кроме Художника. Тот разглядывал сосуд с песком у себя в руке, смотрел на струйку песчинок с удивлением.

(Я же... Мы же уже были там... Мы же...) – Он не находил слов от внезапной догадки.

Едва они оказались на развилке с пятью коридорами, Историк предложил разделиться, ведь Лабиринт только по одному приведёт каждого к своей мечте. Трактирщик сперва возмутился – дочку одну не оставит. Но она пообещала не подводить его и позаботиться о себе. Словно терзаемый дурным материнским предчувствием, отец отпустил её, сказав:

(Ой, не знаю, не знаю...)

А во сне призрак достаёт меч из ножен...

За окном внизу продолжалась битва, где не всегда понятно было, кто на чьей стороне. Отряды копейщиков ловили конницу; лучники верхом кружили по полю, поднимая столбы пыли; солдаты с мечами, алебардами и булавами сходились в жестоких схватках, отступали и преследовали друг друга. Клинья конных войск пронзали ряды тяжёлой и лёгкой пехоты, стрелы и дротики сыпались со всех сторон, подкашивая сотни людей и лошадей. А воины всё пребывали и пребывали...

Историк и Художник говорили с Трактирщиком, который угощал их выпивкой. Творец заметно повеселел, а учёный говорил всё быстрее, едва ворочая языком. Толстый, лысый, красный – эти прилагательные как нельзя точно описывали внешность хозяина заведения.

В углу гостиной, прячась в тени, сидела девушка в чистом платье. Она заплетала свои длинные волосы в косички и тихо пела. Художник заинтересованно слушал её: в песне говорилось что-то про существование и бытие, про ночёвку в ложе, о призраке с мечом и под кожей...

К ужасу своему он заметил, что девушка прикована к стене цепями.

(Кто это?) – сразу же спросил он Трактирщика, перебив Историка, рассказывающего о Лабиринте.

(О, это моя дочь.) – махнул рукой толстяк и пригубил ещё спиртного.

(Зачем же вы посадили собственную дочь на цепь?)

(Она у меня довольно несообразительная...) – Толстяк громко рыгнул.

(Она опасна?)

(Да, очень опасна, но только для себя. Я уже тысячи раз спасал её от самоубийства и мне, честно говоря, надоело. За ней нужен глаз да глаз.)

Дочь Трактирщика пела про то, что время уничтожит всех, спящий подорвёт здоровье, а призрак и так живёт лишь ночь.

(Неудивительно, почему ей плохо тут живётся!) – Историк указал головой в сторону окна. – (Скоро и до вас война докатится, поглотит всё Долина Смерти!)

(К вечной битве мы здесь привыкли и спим спокойно,) – заверил Трактирщик, наполняя кружки. – (Кое-что другое волнует мою дочурку. Вы заметили, что у нас тут нет зеркал? Никаких отражающих поверхностей в доме. Даже бутылки мне приходится в бумагу заворачивать.)

Художник присмотрелся к девушке. Она продолжала петь, медленно поворачиваясь к нему. И он ужаснулся: её лицо постоянно менялось. Один прекрасный лик сменялся другим за считанные мгновения. Дочь Трактирщика пела про то, как здорово было бы остановить время, и про то, как к этому отнеслись бы спящий и его мёртвое семья...

(Ну, хоть голос красивый!) – хохотнул пьяный Историк, но потом пристыжено замолчал.

(Она разбивала все зеркала, резала осколками руки...) – продолжал Трактирщик, делая ещё один глоток дурманящего пойла.

(Лабиринт поможет и вам с дочкой!) – воскликнул Историк. – (Все дороги ведут в Лабиринт! Поверьте, я знаю, как туда пробраться, мне нужно только найти способ пересечь Долину Смерти! Я слышал, что обойти её нельзя!)

(Лабиринт Мечтаний, все эти сказки...) – вздохнул толстяк. – (Есть тут у меня один знакомый, он может вам помочь. Рисковый парень, но не подведёт.)

Толстяк задумчиво взглянул в окно. Пьяные веки медленно опускались и поднимались. Почесал большой красный нос и пробормотал:

(Долина Смерти уже совсем рядом, скоро тут и камня на камне не оставят... Что делать мне без своего трактира?) – а затем громко: – (Дочка, подышать свежим воздухом не хочешь?)

Она подняла оживший взгляд, и лицо на миг озарилось улыбкой.

(Я очень-очень рад, что в нашем строю пополнение!) – пожимал толстую руку Историк. – (А кто наш пятый товарищ? Какой-нибудь волшебник, который проведёт нас невидимками через поле битвы?)

(Он тот ещё волшебник! Вы только не пугайтесь, когда он заговорит. Он общается *не мыслями*, а голосом, даже рот открывает!)

Существуешь лишь Ты, а Он Есть – под кожей!

– Йииииихууууу! – вопил Лётчик, будто резанный. Вся остальная команда кричала ещё громче, но мысленно, от страха цепляясь за поручни. Красный аэроплан нырял «бочкой», вращался, чуть ли не со скоростью своего мотора, с рёвом рассекал воздух над кипящей внизу битвой. Воины озадаченно пялились на непонятный самолёт.

Колоссальных размеров дирижабль, заслонявший уже полнеба, приближался. С него сбрасывали зажигательные бомбы, которые громко, сопровождаемые пятикратным эхом, взрывались, разбрасывая солдатиков внизу, словно сметая фигурки с шахматной доски.

Завидев приближающийся аэроплан, экипаж дирижабля запаниковал. Все забежали по палубе, прячась; многие от страха попрыгали вниз, разбились о землю или нанизались на штыки копейщиков.

Аэроплан пронёсся мимо, держа курс на восток. Лётчик палил из ружья по дирижаблю и продолжал орать, как ненормальный.

Но время играет против вас обоих,

Долина Смерти вскоре закончилась и началась долгая Долина Гнили. Целое море из трупов, оставшихся после Вечной Битвы, которая велась здесь многие лета назад. До того вонючее, что Дочь Трактирщика потеряла сознание, а Художника сильно мутило. Со временем гниль тоже сошла на нет: началась пустыня из ржавого металла и скелетов.

– Видел я ваш Лабиринт мимолётно! – Вполоборота Лётчик перекрикивал рёв мотора. – Он беспрерывно шевелится, все коридоры меняются, посреди него вырастают и опадают целые горы! Странное место, очень странное!

(Проклятая изменчивость! Куда ни плюнь!) – злился Художник. Ветер трепал бумагу в его руках, но он упорно пытался сделать набросок лица Дочери Трактирщика, сидящей за ним. – (Ничего не получается!)

(Именно поэтому я себя ненавижу!) – горестно понурилась она.

(Когда я рисовал изменчивое дерево, я нарисовал его ствол и ветки,) – рассказывал Художник, доставая один из набросков и рассыпая остальные из-за сильного ветра. – (Но дерево – оно ведь *неживое*! Поэтому мне легче было выделить в нём *главное*. А ты живая! И я не могу отыскать, за что в тебе зацепиться. С этим может справиться только какой-нибудь поэт!)

(Мне нравится то, что ты говоришь! И дерево нравится!) – улыбнулась она.

(Это только набросок!) – он тоже ответил улыбкой. А потом загадочно добавил: – (Все мы тянемся вверх, но, в конце концов, попадаем назад в землю!)

– Тьфу ты! – тихо сплюнул Лётчик, услышав такое.

(Вздрогнем!) – Трактирщик залился из фляги.

Только одну проживёт ночь «Я» второе.

Лётчик дошёл до просторной площадки у обрыва. Внизу под ним раскинулся Лабиринт, протянувшийся до самого горизонта и теряющийся в предрассветной дымке. Отсюда удавалось разглядеть крохотные фигурки товарищей – каждый шёл в отдалении от остальных по своему личному виляющему коридору. И каждого рано или поздно ожидал тупик, где находились решения для любой из проблем.

– Тю! – усмехнулся Лётчик, глянув за край обрыва.

Как его угораздило так высоко забраться – ведь подъёмов и лестниц на пути не встречалось – он не представлял, да и представлять было нечего: Лабиринт – это не то место, где нужно искать логику и смысл.

Нечеловеческий крик донёсся сбоку. На другой стороне полукруглого утёса сидел громадный орёл со светло-коричневым опереньем и массивным клювом. Клацающая острыми

когтями — каждый размером с человеческую ступню — фантастическая птица приближалась к незваному гостю, зловеще наклонившись и медленно раздвигая крылья.

Лётчик вскинул ружьё и выстрелил, почти не целясь. Брюхо взорвалось, но вместо крови у твари внутри были... драгоценные камни. Они весело зазвенели, рассыпаясь по скалистой площадке. Люминесцирующие внутренности вываливались наземь, опадали перья, будто листва с древа, готовящегося к зимней спячке. Тело гигантской птицы таяло на глазах, разделялось на части, будто разрывалось по швам. Собрав последние силы воедино, орёл выпятил грудь, расправил крылья, открыл клюв и прокричал в небо что-то на своем языке. Голова ввалилась внутрь. От туши слой за слоем отходила дымящаяся плоть и темнеющие мышцы. Спустя несколько мгновений существо превратилось в кучу гнили, пепла и алмазов.

В воздухе остались висеть расставленные крылья, с них перья не слетели, их не тронуло чудовищное увядание. Они каким-то образом отделились от орла во время гибели, и теперь разрезы поблёскивали гранёными бриллиантами в свете розовеющих облаков.

— Крылья? — спросил Лётчик. — Вы это серьёзно?

Он отбросил ружьё, подошёл к висящим конечностям орла. Догадка постепенно формировалась в голове человека, а его улыбка становилась всё шире. Недолго думая, он встал между крыльями и прикоснулся к ним...

Яркий свет, идущий от кистей, на миг ослепил его. И Лётчик захохотал, ему не было больно, но он *всё ощущал*. Мутация сопровождалась скрежещущим звуком, будто кто-то тёр резиной о резину.

Ещё до того как вспышка растаяла, Лётчик уже понял, что за потаённое желание раскопал в нём Лабиринт: крылья орла заменили ему руки! Теперь он мог летать!

Он сделал пару взмахов, взметая пыль, и почувствовал огромную силу в новоприобретённых мышцах.

Он посмотрел на небо, посмотрел на светло-вишнёвые облака, на едва заметные звёзды, рассыпанные по синему полотну...

Он побежал и оттолкнулся от края утёса...

Эх, был бы способ остановить время!

Она подозревала, что в конце пути её ждёт какая-нибудь неприятная, отвратительная вещь. И не ошиблась: первое, что увидела девушка в открывшейся комнате — это было зеркало. Большое и круглое, посреди дальней стены. Вокруг него — аккуратно вырезанные надписи:

Но Дочь Трактирщика не стала разбираться в скучных буквах, не любила это дело.

Ещё в круглой зале находился стол с двумя предметами на нём: резиновая маска бежевого цвета и узорчатый церемониальный нож, с продолговатым искривлённым лезвием.

Девушка вцепилась ненавистным взглядом в своё отражение. Лицо расширилось и сужалось; глаза то выпучивались, то впадали; губы вытягивались, надувались, сдувались, сокращались. И хотя каждый мимолётный лик был по-своему красив, она видела в этом лишь уродство и недуг.

Ей очень хотелось разбить зеркало, впрочем, как всегда. Но она удержала себя, посмотрев на маску. Возможно, отец был прав – его дочь глупа. И всё же немного соображать умела.

(Моё лицо!) – воскликнула она, подняв маску и вглядываясь в её рельефные внутренности. Там не было прорезей для глаз, рта, носа и ушей, только очертания. – (Моё желание! Моё *настоящее* лицо!)

Она бы ещё успела одуматься, если бы в голове не возник образ Художника. Он рисовал её тогда, он будет рисовать снова и снова! Он создаст её портрет! Она станет картиной, и ей не будет отвратно взглянуть на себя!

Забыв про нож, забыв про зеркало, забыв про Лабиринт и опасности, о которых предупреждал отец, Дочь Трактирщика поднесла маску к лицу, приложила её вплотную к

коже, улыбаясь. Маска тоже улыбнулась. Но едва девушка попробовала дышать через ноздри, едва попыталась открыть глаза, едва приложила усилие разлепить губы...

Понимание навалилось с такой силой, что ноги её подкосились.

Она трогала своё новое лицо и не находила отверстий. Лишь очертания носа, губ, скул, глазниц с глазными яблоками, прятавшимися под кожей...

Она стала искать края маски, вонзила ногти в кожу возле ушей, в шею, в подбородок...

Но маска больше не ощущалась, она срослась с головой девушки, как и было задумано.

(Я забыла проделать отверстия! Я забыла создать рот, ноздри и глаза! Дура!)

Мысли бились в кожу лица изнутри, а ногти царапали её снаружи.

Девушка вспомнила про нож, попыталась нащупать его, но ненароком перевернула стол. Стала шарить по пыльной площадке, дёргая рукой то в одну сторону, то в другую. Нож лежал прямо перед её носом, но она так нервно щупала землю, что каждый раз промахивалась ладонью на считанные сантиметры.

Глухой крик раздувал щёки, а лёгкие жадно втягивали воздух обратно.

(Папа! Проклятый нож! Помоги! Где он? Папа!)

Она вдруг вспомнила про зеркало. Её шестерёнки в кои-то-веки заработали, как надо. За свою жизнь она разбила столько зеркал, что прекрасно знала, как можно обращаться с осколками.

Потребовалось трижды ударить кулачком, чтобы посыпалось стекло. Она подобрала крупный осколок, намереваясь прорезать себе рот. Дыхание уже так прихватило, что она нисколько не страшилась боли ради глотка воздуха.

Но Дочь Трактирщика остановилась, взглянув на своё отражение в осколке невидящими глазами.

Она подумала о том, что держит зеркало напротив лица, смотрит в него, и ей *это непротивно*. Такое давнее забытое чувство.

(Красивая!) – сказала девушка. – (Такая красивая!)

Она приставила холодную гладь к несуществующему рту. Поцеловала себя несуществующими губами. Пустила слезу несуществующими глазами.

Затем перерезала себе горло, выпустив на волю захлёбывающийся крик.

За сто лет Ты подорвёшь своё здоровье,

Оставшись один, Трактирщик, наконец, перестал улыбаться и даже чуть протрезвел. Червячок страха заполз к нему в разум, толстяк начал с опаской озираться по сторонам. Но коридор скользил всё дальше и дальше, вглубь Лабиринта. Холодные высокие стены,

заросшие лианами и ядовитым плющом, глушили звуки в соседних коридорах, сохраняя первозданное молчание. Только ветер протяжно завывал, разгуливая по древнему сооружению.

(А что я здесь найду? – спросил себя Трактирщик. – Что мне на самом деле нужно? Не алкоголь ведь! Это как-то мелко для самого важного желания в жизни...)

Но Лабиринт посчитал иначе. Под ногой что-то звякнуло, толстяк нагнулся и подобрал тёмную бутылку.

(Это и вправду моё желание?) – даже немного удивился Трактирщик.

Он умело откупорил бутылку, поднёс к носу, принялся. Пожал плечами, сделал пару глотков и радостно воскликнул:

(Дивное вино! Прелестное! Такое и не грех было пожелать!)

Вскоре он заметил, что уровень напитка абсолютно не уменьшается: бутылка всегда оставалась полной.

(Ну вот, – расстроился Трактирщик. – Придётся напиться...)

Тебе б наскучило тяжкое бремя.

Он летал, парил в облаках, словно птица, научившаяся танцевать.
Прodelывал головокружительные виражи, пикировал и взмывал ввысь.
Лётчик просто обезумел от счастья, которое дарили ему орлиные крылья.
Над белоснежными облаками, несмотря на холод, он встречал рассвет.

В громадном тронном зале, куда привёл Историка Лабиринт, лежала книга.
Она самостоятельно раскрылась на середине, страницы приняли очертания лица.
(Я Книга Истины!) – представилась она. – (Ты хотел ответов и заслуживаешь их!)

Лётчик залетел уже далеко-далеко от Лабиринта Мечтаний.
Он летел над облаками и не знал, что под ними.
Его мало что интересовало теперь в этой жизни.
Сердце человека принадлежало небу, природной красоте, свободе.

(Я открою тебе тайну, ведь нам уже нечего терять... Правда ничего не изменит.
Ты и твои друзья, всё, что тебя окружает, – это не более чем обыкновенный сон!
И вы все обречены на вымирание, а точнее – на *несуществование*!
Потому что сон принадлежит одному из вас....
И человек этот скоро проснётся!)

Он перестал махать мощными крыльями, расслабив их.
Позволил себе погрузиться в свободное падение, подвывая от счастья.
Его тело ворвалось в райские облака, собирая влагу.
А потом белое сменилось чёрным...

(Это сон Лётчика! Он здесь – главная сущность!
Он – квинтэссенция нашей реальности!
Он – создал вас и всё, что вокруг, своим воображением!
Он – вот-вот проснётся, ибо уже светает, а ему самому грозит опасность!
И не останется ничего...)

Под светлыми облаками притаились грозные тёмные тучи!
Набухшие от влаги, плотные, грязные, тяжёлые – они источали сильнейший ливень!
Человек замахал крыльями, пытаясь вернуться к белизне и спокойствию...
Но дождевые капли толкали его вниз, крылья отяжелели, вокруг – темнота сплошная!
Яркая вспышка! В Лётчика ударила разветвлённая молния!
Небеса извергли оглушительный грохот; стихия воды сегодня бесновалась!
Шокированный летун стремглав нёсся к земле, оставляя за собой опадающие перья...

(Стой!) – вскричал Историк, хватая книгу и тряся её. – (Врёшь! Врёшь, дрянь!
Это невозможно! Ты врёшь! Нет никакого сна! Я существую!
Я что – зря проделал этот путь?! Проклятая книга! Не гневи меня, ой не гневи!)

Не долетая до земли, тело Лётчика вытянулось, закручиваясь в спираль.
Он превратился в вихрь, в воронку, сначала слабую, но быстро крепчающую.
От тела осталось лишь сознание, устремляющееся куда-то сквозь время и пространство.
Засасывающие ветра были так сильны, что смерч пожирал дождь, тучи и всё вокруг.

Масштабные разрушения катились по хрупкому миру, ломая горы, сметая города.
Лабиринт разваливался, камни отрывались и устремлялись к разрастающейся бездне.
Историк летел, вопя и вырывая страницу за страницей из Книги Истины.
Мимо пронёсся Трактирщик, распевая похабные песенки.
Летели также воины, сражавшиеся в Долине Смерти.
Небеса пришли в движение, облака унесло ветрами.
А за ними проступили очертания спальни, со звёздочками на потолке...
Донёсся ласковый женский голос: «Роджер! Успокойся, Роджер! Это всего лишь сон!»
Гигантская Чёрная Дыра проглотила *всё, что можно было мыслить*. Даже саму себя.

И не осталось ничего.